
От редакции. Публикуя воспоминания нашего известного отечественного философа, доктора философских наук Леонида Александровича Когана, участника Великой Отечественной войны, редакция журнала поздравляет его с 85-летием, желает здоровья и дальнейших творческих успехов.

Вспоминая Великую Отечественную...

Л.А. КОГАН

Эта война стала **Главным Событием** моей (и, видимо, всех ее участников) жизни, а Победа, завоеванная в ней, – нашим лучшим волнующим праздником. Война была для нас решающей жизненной школой, проверкой, силовым испытательным полем самопознания. Она насквозь просвечивала каждого, устанавливая, кто он есть на самом деле, какова мера его возможностей. Это был своего рода момент истины, отделяющий сущность от видимости. Все как-то сдвинулось в нашем сознании и в то же время становилось на свое действительное место.

Личные воспоминания о войне естественно переплетаются с размышлением о ней.

Об этой войне многое сказано, но она еще не в полной мере нами осмыслена, не все ее уроки извлечены. Среди вопросов, которые не получили достаточно четкого и обоснованного решения, назову лишь некоторые: каковы причины этой войны; была ли наша страна готова к ней, а если нет, то почему (в частности, роль в духовной дезориентации и демобилизации СССР договоров 1939 года с гитлеровской Германией, хвалебных официальных высказываний о ней сталинского руководства, запрета антифашистской пропаганды); каковы наши действительные потери в войне, включая гражданское население (и, для сравнения, – потери противника), с чем они связаны, (в том числе – с какими, военно-политическими просчетами); судьба Народного ополчения – высокопатриотических и самоотверженных, но неподготовленных в военном отношении людей, брошенных Сталиным на верную гибель; причины и следствия массового пленения наших боевых подразделений в первый период войны (и, в связи с этим, феномен "власовщины", не сводимый, конечно, к предательству генерала Власова); что помешало нашему народу воспользоваться должным образом плодами победы. Все эти проблемы ждут своего развернутого решения.

Война с фашизмом была не только противоборством различных стратегий и тактик, мощных научно-технических потенциалов, но и гигантской битвой идей, миропони-

маний, ценностных ориентаций. Мы противостояли, говоря словами Пастернака, духу тьмы. Мир еще не знал столь общенародного опыта борьбы добра со злом (бери эти понятия в самом широком, общечеловеческом смысле). В этом – нравственная суть Победы.

Тем обиднее, тем горше, что в последние годы происходит определенная девальвация этого завоевания. О многом стали забывать, само понятие "ветеран войны" размывается, смазывается, – это видно хотя бы из вошедшей в обиход суетливой аббревиатуры из трех букв – "ВОВ". Многие не видят разницы между Отечественной войной и последующими локальными войнами – афганской, чеченской и др. Дело дошло до того, что участники Великой Отечественной опасаются зачастую надевать боевые награды, а вдруг молодежь этого не поймет, высмеет.

Это и неудивительно, если вспомнить, что еще недавно наши газеты пестрели позорно-циничными объявлениями о покупке орденов, а в центре Москвы, на Старом Арбате, всюду шла торговля боевыми наградами и генеральскими мундирами. Ничего подобного не было в прошлом – фронтовые заслуги продолжали неукоснительно почитаться и много лет спустя, вернее всегда. Солдатский "Георгий" периода Первой мировой сохранил свой авторитет поныне. Но самым кощунственным и опасным является распространение профашистских взглядов и организаций среди части молодежи, издание черносотенной прессы, открытое бравирование нацистской эмблематикой. Кое-кто не стыдится ставить под сомнение саму необходимость и целесообразность разгрома фашизма. Но это значит кощунственно перечеркивать героический подвиг нашего народа. При всем, совершенно обоснованном, критическом отношении к мрачным сторонам нашей жизни, нельзя огульно плевать на свое прошлое, историю своей страны. Отечественная война была не сталинской, а общенародной.

Уместно в связи с этим внести некоторую коррекцию в афоризм Клаузевица о войне как продолжении политики. Этот тезис имел в виду влияние на войну "сверху", со стороны государственной власти. Но социальная детерминация событий осуществляется и "снизу". Если государственная политика обуславливает при известных обстоятельствах развязывание войн, то в дальнейшем их течении (особенно когда идет длительная борьба) всевозрастающее значение приобретают такие факторы, как характерологические особенности народа, его традиции, адаптационный ресурс, заложенный в национальном генофонде, духовный потенциал, выдержка, самоотверженность. Все это накладывает свой отпечаток на характер войны, способность ее участников выдержать колоссальные стрессовые перегрузки. В освободительной войне, наряду с государственной политикой, активно проявляет себя и то, что можно условно назвать политикой "снизу"; да и не в политике только дело, – важнейшую роль играют умонастроение непосредственных участников борьбы, нравственно-психологические возможности и устремления народа, его вера в победу. Важнейшим фактором завоевания нашей победы был русский патриотизм, патриотические чувства всех народов, участвовавших в борьбе с фашизмом. Это был не какой-то особенный "национал-патриотизм", а подлинно демократический, народный патриотизм, не противопоставляющий одни нации другим, а опирающийся на их взаимопонимание, взаимодополнение и равноправие. Этот патриотизм принципиально отличается от воинствующего национализма, национального эгоизма, шовинизма.

Глубокое возмущение вызывают псевдоисторические попытки представить дело так, что инициатором войны был не Гитлер и его партия, а Советский Союз. Это противоречит фактам. То обстоятельство, что у Сталина могли вызревать замыслы превентивной войны, еще не говорит об их практической реализуемости. И, разумеется, отсюда никак не следует, что наш народ и армия были об этом осведомлены и несут за это ответственность. Совершенно очевидно обратное. О чем бы тайно ни договаривались Сталин и его сподвижники, в действительности эту войну развязали и осуществили не россияне, не советские люди, а немецкие фашисты.

Нельзя механически отождествлять духовную жизнь нашей страны в то время со сталинизмом. Споры нет, Сталин имел огромное влияние на все ее стороны; его ус-

тановки, призывы, инвективы были общеобязательны. И, тем не менее, они далеко не покрывали, не исчерпывали всей картины умственного и нравственного состояния советского общества; тут было немало существенных нюансов, "разночтений". Хотя лозунг "За Сталина" и насаждался "сверху", в реальной фронтовой практике солдаты редко вспоминали о нем и шли в бой не за кого-то, над ними стоящего, а за свои кровные интересы, своих близких, свою землю. Скажу больше: первый массовый проблеск критического самосознания (хотя по необходимости и спорадический, затаенный) возник именно во время войны. Это объясняется рядом причин: и тем, что труднейший ее начальный период предельно обнажил наши слабости, побуждая задуматься об их причинах, и тем, что в условиях постоянного пребывания между жизнью и смертью сильнее звучит в людях голос совести.

Особо хочется выделить такой собственно философский аспект, как война и личность, личная свобода. Это может показаться неожиданным. Война и свобода представляются обычно совершенно несовместимыми, взаимоисключающими стихиями. Цицерон считал, что, когда говорит оружие, безмолвствуют законы. Многие склонны применять эту антитезу и к проблеме сопряжения войны и духовности вообще. Но во всех этих случаях нужна конкретность: где, когда, в каком смысле соотносится то и другое?

Место человека на войне жестко детерминировано внешними принудительными обстоятельствами, строго ранжировано уставами и приказами. Есть ли тут место для личности, личной свободы? Личностью не рождаются, а становятся по мере развития; и не стихийно, автоматически, а в процессе активной целенаправленной деятельности, в первую очередь, в связи с готовностью и способностью к индивидуальному самоопределению, самостоятельному выбору и решению. Человек становится личностью постольку, поскольку он обретает свою духовную, прежде всего моральную свободу.

Существует, однако, мнение, что вопрос о роли личности на войне имеет отношение в основном лишь к видным, приметным людям, полководцам, героям; что же касается остальных ее участников, – особенно рядовых, "чернорабочих" войны, то они с этой точки зрения должны рассматриваться как нечто анонимное, всего лишь частица массы, по существу растворяясь в ней без остатка.

Такой взгляд неправомерен, он схематизирует, обесцвечивает, обездушивает реальную картину жизни. Не существует, если говорить о нормальном ходе развития, каких-то однозначно и предопределенно "простых" или "маленьких" людей – в смысле их социальной сущности и внутреннего мира. В духовном отношении люди, – безотносительно к своей сословно-классовой, этнической, профессиональной и конфессиональной принадлежности, – достаточно большей частью сложны и переменчивы, хотя, естественно, их ум, одаренность, нравственные качества весьма различны. Выражение "простые (маленькие) люди" нельзя признать удачным, в нем ясно просматривается уничижительный, номенклатурно-иерархический оттенок, отголосок табели о рангах. Любой выскочка-карьерист рассчитывает при помощи этого понятия как-то отделить себя от "простых смертных", стать над ними. Это словосочетание перекликается с давно устаревшим барским термином "простонародье" и адресуется большей частью людям без "положения", в том числе главным труженикам войны – солдатам. Но настоящего солдата меньше всего можно заподозрить в "простоватости", примитивизме. Не зря в русском народном творчестве он выступает как весьма сметливый умелец и удалец. Сложность внутреннего мира солдат Великой Отечественной ярко запечатлена Твардовским в образе Василия Теркина.

Это имеет прямое отношение к вопросу о личной свободе на войне. Чем в большей мере война оказывается, несмотря на свою вынужденность, всенародной борьбой за кровные интересы людей, их жизнь, честь и достоинство, тем больше места в ней остается для их глубинного самовыражения, свободного волеизъявления. Великая Отечественная была освободительной по своей сути. Историческая трагедия обострила и углубила человеческие чувства и устремления. Особенно существенна в этих экстремальных условиях роль личной инициативы и ответственности. Если в мирное

(что то же) необходимости свободы. Кажущаяся без-выборность оказывается критическим моментом проблемно-альтернативной ситуации, пиком свободного волеизъявления.

Опыт войны изобилует подобными коллизиями. Здесь нет ни времени, ни условий для долгих размышлений и колебаний; решения должны приниматься быстро, своевременно, четко – от них напрямую зависит жизнь многих людей. И этот личный выбор, эти самостоятельно принятые (несмотря на жесткую субординацию и начальственный диктат) решения осуществлялись повсеместно, на всех уровнях Отечественной войны – от командира и начальника штаба, прочерчивающих направление боевых действий, до медсанбатовского хирурга и девушки-санитарки (я бы сказал, сестры милосердия), выносившей, рискуя собственной жизнью, раненых солдат с поля боя.

Душой свободного выбора является моральная мотивация. Поучителен в этом смысле образ командующего одним из соединений Отечественной войны Кобрисова – героя романа Георгия Владимова "Генерал и его армия". Когда на оперативном совещании руководителей фронта, происходившем в разгар войны, обсуждался вопрос о выборе направления главного удара и присутствовавшими высказывались самые разные соображения утилитарно-прагматического характера, генерал Кобрисов занял свою особую позицию. Хорошо понимая и цена стратегическую и тактическую специфику обсуждаемой проблемы, он решительно ставит на первое место вопрос о цене победы, о судьбе человека, о самоценности человеческой жизни, о том, чтобы боевой успех был достигнут не потоками солдатской крови, а с наименьшими, по возможности, потерями, – не числом, а умением. В утверждении превосходства добра над злом и состоит в конечном счете нравственный смысл свободного выбора и подлинной, последовательно реализующейся свободы вообще.

Феномен жизни существенно и неоднозначно переосмысливается на войне. Если, с одной стороны, в условиях массового человекоубийства жизнь в значительной мере обесценивается (и это образует как бы общий обыденно-статистический фон происходящего), то, с другой стороны, с точки зрения отдельного человека, его неповторимого "я", это же постоянное лобовое сопряжение, противоборство жизни и смерти, повсеместный риск у бездны на краю, невероятно обостряющееся ощущение хрупкости индивидуального существования ведет к тому, что каждый его миг обретает свой особенный экзистенциальный смысл, начинает восприниматься во всей своей ничем не восполнимой первожданности и самоценности; люди приучаются высоко ценить это мимолетное, проходящее мгновение, жить им, любить его страстно и самозабвенно. Парадокс состоит в том, что субъективно переживаемая ценность жизни и глубинно-корневое жизнелюбие возрастают по мере ее внешнего, навязанного, насильственного обесценения, вопреки ему.

Испытав ужасы войны и рассматривая ее как социально-исторический феномен в целом, – в плане противоположения войны и мира, глубже осознаешь ее как тягчайшее бедствие, общенародную трагедию. Народы все больше постигают недопустимость, аморальность, противоправность попыток решения геополитических и других проблем военно-агрессивным способом, их самоубийственность для общества и жизни в целом. Люди предельно выстрадали свое право на мир, совпадающее с правом на жизнь.

Постепенно и еще не вполне ясно, смутно мы начинали в ходе войны чувствовать себя людьми, а не "винтиками", не простым средством реализации чьих-то целей. С трудом и в сомнениях, тревогах, постоянных спорах с самим собой стали намечаться первые подходы, догадки, зачатки понимания того, что мыслящий человек – это пик мирового процесса, субъект общебытийного самосознания, его важнейшая нервно-болевая и проблемно-информационная точка, его смысложизненный центр; поэтому он, при всех своих недостатках, неисчерпаемо интересен и достоин наибольшего внимания, участия, сострадания. И еще: наша свобода сомасштабна человеческой природе, – каков человек, такова его свобода. Это не чей-то дар, не предустановленная

гармония, не dolce far niente (сладкое безделье), а труднейшее испытание, сверхусилие, творческая самоотдача, первопроходческий поиск и возможность (только лишь возможность, но единственная и неоценимая) быть Человеком – всегда и при всех условиях. Свобода есть самоосвобождение.

* * *

Моя фронтовая судьба связана с 1-й Ударной армией. Всю войну я провел в пехоте, на Западном, Северо-Западном и Прибалтийских фронтах. 7-го июля 1941 года ушел из Института философии в Народное ополчение. Первые полгода был рядовым.

Я был принят в Институт по окончании аспирантуры МИФЛИ, будучи беспартийным. Стал одним из самых молодых в то время сотрудников. Институт только еще начинал тогда, в конце 30-х годов, свою деятельность в качестве учреждения Академии наук (до этого он входил в состав Комакадемии). Это был маленький коллектив, целиком размещавшийся на одном "волхонском" этаже. Работая в секторе истории философии (руководил которым сначала В.М. Познер, потом – Б.Э. Быховский), я написал перед войной и опубликовал в журналах "Под знаменем марксизма", "Литературный критик" и др. ряд статей о русских мыслителях XIX в. и несколько разделов во II (1941), III (1943) тома первой послеоктябрьской "Истории философии" (Вольтер, Руссо, Мабли, Морелли, Даламбер, Сен-Симон). Но когда началась война, все другие интересы были отставлены. И мы, группа философов Института (сюда входили, наряду с другими, М.М. Григорьян, А.Я. Зись, З.А. Каменский, Б.М. Кедров, А.А. Макаровский) записались добровольцами в Ополчение. Несколько дней провели на казарменном положении в одной из арбатских школ, потом проходили краткую военную подготовку в подмосковном лесу, где учились уничтожать фашистские танки бутылками с зажигательной смесью. Там же произошла первая разбивка по подразделениям. Меня и еще нескольких наших сотрудников – П.А. Каширина, М.Х. Каспарьяна и А.П. Хахулина (двое последних позже погибли) направили в Истребительный батальон Киевского района. В его задачу входила охрана от фашистских диверсий Рублевского водохранилища, борьба с немецкими лазутчиками-парашютистами и, в случае необходимости, уличные бои. Мое первое оружие – старая винтовка "маузер" № 1238.

К концу года личный состав нашего батальона, как и других подобных подразделений, вошел в регулярные войска. 20 ноября 1941 г. мне присвоили офицерское звание старшего политрука (одна "шпала", соответствующая капитану) и направили в 1-ю Ударную армию. Через несколько часов я уже был на месте ее дислокации. Это была одна из армий, находящихся в ведении Ставки и предназначенных для действия на главном направлении, прежде всего – для контрнаступления под Москвой. Она состояла в основном из стрелковых бригад, лыжных батальонов, танкового батальона, артиллерийских и минометных дивизионов и была укомплектована сибиряками, уральцами, моряками Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии. В течение нескольких дней шло наше сосредоточение в районе Дмитров–Яхрома, оно кончилось уже в ходе боев. В то время нам не хватало артиллерии (особенно крупных калибров), танков, автотранспорта. Первым командующим был генерал-лейтенант В.И. Кузнецов, начальником штаба генерал-майор Н.Д. Захватаев.

Днем и ночью 27 ноября 1941 г. мы пропускали через свои боевые порядки отходившие разрозненные части советских войск. Эта радикальная смена на передовой оказалась неожиданной для врага. Он рассчитывал и впредь иметь дело с измотанными частями, тронутыми синдромом окружения. Обстановка оставалась весьма взрывоопасной. Для того чтобы ее оценить, вспомним предыдущий, октябрьский прорыв немцев под Москвой. Их наступление проходило под кодовым названием "Тайфун". В октябре 1941 г. они захватили Малоярославец, Можайск, Волоколамск и фактически подошли к окраинам столицы. Считая падение Москвы предрешенным,

Гитлер велел разрушить ее до основания и затопить, создав на этом месте море. В момент этого прорыва Сталин находился в трансе. В середине октября им было подписано экстраординарное решение о немедленной эвакуации столицы. Привожу его текст (впервые опубликованный журналом "Известия ЦК КПСС", 1990, № 12).

"Об эвакуации столицы СССР г. Москвы

Постановление Государственного Комитета Обороны 15 октября 1941 г. Совершенно секретно. Особой важности.

Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии, Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев (НКПС – т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД – т. Берия организует их охрану).

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедля эвакуироваться органам Наркомата Обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба – в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД – т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию).

Председатель Государственного Комитета Обороны *И. Сталин*".

С этим и связана "московская паника" 16 октября. С утра метро оставалось закрытым, в учреждениях спешно жгли секретные бумаги, вокзалы переполнялись отъезжающей номенклатурой. Надо, однако, отметить, что проявления паники затронули в основном лишь правящую верхушку; коренные москвичи, труженики тыла, не говоря уже о войсках, защищавших город, сохраняли стойкость, мужество, готовность к борьбе. Благодаря им смертельная угроза была предотвращена. С 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах вводилось осадное положение.

Мало кто знает, однако, какая новая опасность нависла над Москвой в конце ноября 1941 г. К 15 ноября против войск нашего Западного фронта противник сосредоточил 51 дивизию. На следующий день развернулось его наступление на Волоколамском и Клинском направлениях. 16 ноября немцы форсировали реку Лама, затем прорвали Можайскую линию обороны, 23 ноября заняли Клин, 27 ноября вышли к Крюково и Ясной Поляне. Сталин спрашивал Жукова: удержим ли столицу? Утром 28 ноября передовой отряд 7-ой танковой дивизии немцев атаковал одно из подразделений 1-ой Ударной на западной окраине Яхромы. Их танковая группа захватила Яхромский мост и 29 ноября ворвалась в деревню Перемилово на восточном берегу канала Москва-Волга. Позднее сообщалось, что мост был разминирован диверсантами, переодетыми в красноармейскую форму и связанными с небезызвестным обертеррористом фаворитом Гитлера Отто Скорцени. Перед немцами снова открывалась дорога на Москву.

Ее преградила 1-я Ударная. Она с ходу вступила в бой с вражескими танками у деревни Перемилово, и в итоге отбросила их. В яростной схватке за эту деревню начальник политотдела 50-й стрелковой бригады С.Е. Стрельцов и начальник ее штаба М.Т. Субботин, находившиеся в боевых порядках 3-го батальона, возглавили атаку. Стрельцов был ранен в голову, но не покинул поле боя. Трудная обстановка сложилась на участке 2-го батальона. Немецкие танки вели сильный огонь. Наши бойцы вплотную подползали к танкам, забрасывали их гранатами. Когда немцы, перейдя в контратаку, временно потеснили наш батальон, бойцы 2-й батареи артдивизиона

76-миллиметровых пушек 29-й стрелковой бригады стали бить по врагу прямой наводкой.

Потерпев поражение на восточном берегу канала, немцы пытались перейти к обороне; ее центром на этом направлении стал город Яхрома, а также деревни Степаново и Языково. Но ничто не могло остановить армию, окрыленную первой победой. Наши войска под огнем немецкой артиллерии и минометов форсировали канал и к 16 часам 1 декабря 44-я стрелковая бригада завязала бой в деревне Степаново. Наступившая левее 71-я стрелковая бригада завладела деревнями Языково, Борисово, Соколиково. Некоторые населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки.

Участвовали в наступлении и работники Поарма, находившиеся большей частью в боевых порядках. Нам пришлось выполнять в те дни самые разные задания – вплоть до разведывательной проверки донесений о захвате тактически важных пунктов: установить на месте, кто там находится – наши или немцы. То было время острейших переживаний: визуального восприятия впрямую движущихся на нас фашистских танков (тогда это было внове), непрерывных бомбежек (с включением при пикировании дико воющих сирен для устрашения) и охоты "мессеров" за отдельными людьми. Было ли страшно? Да, и не раз. Особенно угнетало, психологически давило тогдашнее господство противника в воздухе. Попутно замечу, что война учила простым, но полезным вещам, например тому, что самое страшное, устрашающее не всегда является самым опасным. Страшнее обычно видимая угроза, опасней – невидимая. Бомба, сброшенная прямо над тобой, обрушится скорее всего где-то впереди, а опасаться надо той, которая начала падать в отдалении, на подлете и вроде бы не тебе предназначена. Главная опасность безмолвна, неприметна. Прямое попадание – верх лаконизма. Тогда же состоялись первые встречи с пленными немецкими танкистами и летчиками, которые упорно продолжали верить в свою победу и вели себя вначале очень вызывающе. Среди моих трофеев есть, наряду с гестаповскими наручниками, немецкая медаль, специально приуроченная к битве за Москву: "Winterschlacht im Osten 1941/42" – на ней изображены каска, подозрная труба и меч.

1-я Ударная сыграла важнейшую роль в разгроме немцев под Москвой, действуя на северном фланге Западного фронта; ее наступательные действия переросли в последующее общее контрнаступление, она прошла с тяжелыми боями 150 км и освободила Яхрому, Клин, Солнечногорск – всего свыше 800 населенных пунктов. При этом было нанесено поражение 3-й и 4-й танковым немецким группам, уничтожено 247 танков и транспортеров, 300 артиллерийских орудий, 600 минометов и т.д. Всюду вдоль дороги видны были следы немецкого отступления, еще невиданного в таком масштабе за время 2-й мировой войны. Вот выдержки из захваченных нами трофейных документов: "...Ты, наверное, знаешь, – писал в неотправленном письме немецкий офицер, – что мы были уже у канала "Москва-Волга", но здесь встретили страшное сопротивление. Преследуемые на земле и с воздуха, рассеянные и окруженные, мы бежали назад по четыре-пять машин в ряд... Много, очень много машин мы вынуждены были бросить. Я со своими товарищами тоже должен был оставить нашу машину и шел дальше пешком без пищи и сна". "Люди растеряны. Потери огромны, – отмечал в своем дневнике немецкий унтер-офицер. – Так, видимо, отступал со своей армией Наполеон".

Давая общее определение роли 1-й Ударной в битве под Москвой, Г.К. Жуков впоследствии говорил: "...Подшла Первая Ударная армия, которой командовал Василий Иванович Кузнецов. Между прочим в ее составе были три или четыре, я сейчас точно не помню, бригады моряков. Это были мужественные бойцы... Они атаковали противника очень лихо и очень быстро сломили его сопротивление, когда перешли в контрнаступление, особенно в районе Клина – да и в дальнейшем тоже". И далее: "Особенно когда была введена Первая Ударная Кузнецова, нам стало понятно, что мы не должны остановиться на конторах, а должны немедленно использовать такой благоприятный момент и развернуть контрнаступление, о чем мы и докладывали в Ставку".

На Перемиловских высотах под Москвой стоит теперь монумент в честь героев 1-й Ударной.

Начальник ее Политотдела бригадный комиссар Ф.Я. Лисицын, начальник Политотдела лыжной бригады Ф.И. Куцепин и другие военкомы, с которыми я встретился, были образцом достойного поведения на фронте – смелости, железной выдержки в самых критических обстоятельствах и способности с полуслова понимать людей переднего края. Считаю своим долгом возразить против встречающихся иногда в нашей литературе попыток однобокого подхода к фронтовым политработникам, их огульной недооценки, охаивания. Были, конечно, и в этой среде скверные люди, но где их не было? В целом же и это фронтовое "сословие" честно выполняло свой долг. Практически между фронтовым политработником и строевым командиром не было резкой грани. Недаром в ходе боев были установлены для всех общие звания и знаки различия. Командиры и политработники нередко заменяли друг друга, делая одно общее дело. В ходе войны комиссары военизировались, командиры политизировались. Их не следует поэтому противопоставлять друг другу, это несправедливо.

С годами, по мере отдаления тех грозных лет, возникла тенденция стирать различие между фронтом и тылом. Действительно, они были тесно связаны, нераздельны. Люди тыла многим жертвовали для победы. Понятие тыла условно в том смысле, что даже определенные участки фронта выступали как своего рода ближний тыл по отношению к окопам переднего края, например, эвакуационные пункты, эвакуационные госпитали. Это был, тем не менее, самый настоящий фронт, хотя, может быть, и за пределами прямого оружейного огня (но отнюдь не бомбежек и артобстрелов). Была, однако, существенная разница между фронтом и дальним (подлинным) тылом: она определялась постоянной смертельно-рисковой атмосферой первого. Действующая армия являлась зоной наибольшего риска. Человек, находящийся там, никогда не знал, будет ли он жив к вечеру, доживет ли до утра. Помню насквозь простреливаемый плацдарм – небольшой участок, на котором мы не успевали хоронить развороченные тела погибших. Многие зависело и от случайности. Все это выработывало у людей определенную психологию, черты особого, я бы сказал, здорового фатализма, выражаемого поговорками "будь, что будет", "двум смертям не бывать, а одной не миновать". Этот "толстовский" фатализм, не расслабляющий, а, напротив, морально укреплявший и спасительный, я часто наблюдал у солдат; таких людей, готовых ко всему, нельзя было ни сломать, ни запугать. С тех пор я проникся величайшим уважением к русскому солдату, его невероятной стойкости, лихости, долготерпению. Повергли меня в удивление и преклонение наши фронтовые женщины, они были самозабвенно бесстрашны. За всю войну я не видел у них депрессивных и, тем более, панических настроений; напротив, они часто показывали нам пример стойкости, выполняя свой долг не только как санитарки, врачи, связистки, переводчицы, но и как снайперы, разведчицы, летчицы.

В январе 1942 года наша армия была перебросена на Северо-Западный фронт, в район Старой Руссы. В пути эшелон бомбили. Первое впечатление по прибытии заставило содрогнуться: довольно большая поляна, сплошь усеянная трупами наших солдат-лыжников. Едва мы успели расположиться в одной из деревень, как соседний дом, где находилась группа работников штаба, был разрушен прямым попаданием. Обстановка на этом фронте определялась тем, что наши войска охватывали сильную Демьянскую группировку противника; окружение надо было замкнуть. Немцы упорно пытались вырваться на оперативный простор, часто контратаковали, – хорошо помнится в этой связи кровавый "Рамушевский коридор". Сложность положения в этом лесисто-болотистом краю усугубляли весенняя распутица, бездорожье, перебои со снабжением; бывало (и подолгу), что мешки с сухарями сбрасывались нам с самолетов. Незабываемы ночи, проведенные в зимнем лесу, иногда в палатках, на снегу, едва прикрытом хвоей, иногда в старых блиндажах. Как мы тогда промерзали, буквально насквозь, – отзвук этого до сих пор гнездится в костях и нервах. Или особенное

ощущение полусна-полуяви во время долгих ночных переходов, когда приходилось частично спать на ходу. Иногда в эти моменты чудилось, что идешь где-то по Тверской и с двух сторон сверкают окна – это были звезды. Ночное небо прорезывали трассирующие разноцветные пули, летящие в нашу сторону. Многие бойцы подрывались на минах, слышались стоны. Редко удавалось передохнуть и в окопных блиндажах; долгий вражеский обстрел вынуждал фиксировать внимание на паузах между разрывами: один снаряд пролетел мимо, другой недолетел и напряженно ждешь следующего, – не твой ли он. Так "прицельно" велся отсчет времени, – по минутам и секундам.

1-я Ударная сражалась в районе Пушкинских гор, и, ценой больших потерь в своем личном составе, вернула родине оккупированные немцами Пушкинские места, содействовала разблокированию Ленинграда, сыграла важнейшую роль в битве за Прибалтику: сковала (не дав возможности перебросить на Сталинградское и другие решающие направления) и вынудила к капитуляции отборные немецкие войска, освободила города Дно, Валгу, Остров, Ригу, Тарту.

Противостоявшие нам силы отличались упорством и профессионализмом. С каким трудом пришлось как-то пробивать один участок немецкой обороны, а когда он был захвачен, выяснилось, что его защищало совсем небольшое арьергардное подразделение. Но по мере роста наших успехов менялось настроение противника. Мы не без удивления читали иногда в только что захваченных окопах записки-самооправдания оккупантов: здесь говорилось, что он не фашист, а насильно мобилизованный рабочий, у него семья, и он просит сохранить ему жизнь. Перед окончательной капитуляцией Демянской группировки в ней усилилось дезертирство, немало солдат пыталось укрыться в лесах или сдаться в плен. В конце войны мы все чаще сталкивались в Прибалтике и с лесными террористами из местных националистических организаций, сотрудничавших с немцами. Они охотились в основном за отдельными людьми или небольшими группами. Эти внезапные вылазки загубили немало жизней.

Офицер Поарма должен был совмещать несколько качеств: бойца, инструктора-организатора и пропагандиста. Нам приходилось добираться (иногда ночью в одиночку и с весьма несовершенными картами) до определенной дивизии, полка, роты; участвовать в приемке и подготовке пополнения, а затем в его боевых действиях. Довелось мне быть (для установления связи) и в партизанском отряде. Случались неожиданные встречи. Возвращаясь однажды в свой политотдел, я повстречал в прифронтовом лесу Виктора Николаевича Колбановского, работавшего перед войной вместе со мною в Институте философии. Психолог по профессии и медик по первоначальному образованию, он оказался на фронте начальником эвакогоспиталя. Мы с ним несколько лет провоевали в прибалтийских лесах и болотах. Я был, естественно, рад этой встрече; много помогала в тех условиях и госпитальная баня. Колбановский был еще на Западном фронте тяжело ранен, но остался в строю до конца.

Осенью 1945 года, выполнив свою роль, 1-я Ударная была переброшена в Среднеазиатский военный округ. Я надеялся на скорую демобилизацию, но не тут-то было. Через несколько дней после прибытия в Ташкент пришел вызов и затем назначение на должность преподавателя военной академии – сначала в Калинин, а с 1956 года в академию имени Фрунзе. Так я стал "фрунзевцем", проработав в этом военно-учебном заведении 10 лет, вел там на Военно-историческом факультете полный курс философии, а также читал лекции преподавателям в Вечернем университете. Для меня это было очень трудное время, – занятия происходили непрерывно (и это сразу же после войны, без всякой передышки). В середине 50-х годов Военно-исторический факультет был ликвидирован, и я смог, наконец, вернуться в Институт философии.

Позволю себе привести в заключение свое стихотворение, навеянное воспомина-

ниями об Отечественной войне.

Когда становится невесело
И сердце выстудит тревога,
Когда пургу иль грязи месиво
Сулит неожиданная дорога,
Когда опять тропинка узкая
Меня сведет с бесчеловечьем,
Я вспоминаю поле русское
В далекий год военной сечи.
Перевожу часы душевные
Я вновь на ритмы грозовые
И вспыхнут грустные и гневные
Глаза солдатские живые,
Все видевшие, все постигшие,
Всему издевавшие цену...
И в душу хлынет вдруг затишие,
Смывая суетности пену.
И снова в будущее верится,
И что Земля, как надо, вертится.
А та житейская нелепица,
Что так немислимо чадила,
Уйдет, сотрется, перетерпится,
И не такое проходило.
Чего уж там, война не шуточка,
Она все спишет, мать родная,
И полегчает вроде чуточку,
Как от грозы в начале мая.
Когда на узкой тропке жизненной
Не разойтись со злобой низменной,
Я вспоминаю дни иные, –
Свои дороги фронтовые.

После войны я входил в Совет ветеранов своей армии и до последнего времени – вот уже полвека – стараюсь поддерживать связь с однополчанами. Их осталось мало. Это – мои боевые друзья на всю жизнь.

Как ни сурова и жестока была война, то были годы нашей молодости. Скрепя фронтового братства пересиливали все невзгоды. Все еще было у нас тогда впереди и верилось в лучшую жизнь после Победы.